ТОЧКИ
СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ
СЕМИНАР А.В. ВОРОНЦОВА

Сборник
Андрей Венедиктович Воронцов
Точки. Современный рассказ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19315689
Точки. Современный рассказ. / Семинар А.В. Воронцова: Спорт и Культура – 2000; Москва; 2013
ISBN 978-5-91775-118-4

Аннотация

Сборник «Точки» представляет рассказы учеников А. В. Воронцова, известного русского прозаика и публициста. Андрей Венедиктович Воронцов родился в 1961 году. Автор 9 книг прозы, многочисленных критических и публицистических статей. Секретарь Правления Союза писателей России. Работал в журналах «Октябрь», «Наш современник», шеф-редактором, обозревателем «Литературной газеты», главным редактором издательства «Алгоритм». В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Москва» и руководитель мастерской прозы на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького. Награжден юбилейной медалью «К 100-летию М. А. Шолохова», лауреат Булгаковской (2004) и Кожиновской (2009) премий.

В оформлении обложки использована работа Дмитрия Плавинского “Цветок жизни”. За предоставленную электронную копию работы благодарим Игоря Цуканова.

Содержание

Андрей Воронцов 6
Обновление имен 7
Дмитрий Шостак 21
Второй 23
Автобус 27
Точки 30
Екатерина Осорина 34
Пятилистник сирени 35
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Точки. Современный рассказ
Авторы-составители – А. В. Воронцов, Е. Н. Осорина

Памяти Дмитрия Шостака

Андрей Воронцов

Руководитель семинара прозы Высших литературных курсов (ВЛК)

Обновление имен

В литературе с периодичностью в 20–30 лет должно происходить обновление имен. Не замена одних имен другими, а именно обновление. Если же этого нет, то на смену старым мастерам приходят бойкие на перо дельцы, и литература становится просто частью развлекательного бизнеса. Так произошло и с американской литературой, еще полвека назад весьма могучей, и с французской, немецкой, английской…

Окончательному превращению писателей в ремесленников обычно мешает национальная литературная традиция – даже если нет новых ярких имен. Та же Германия могла бы оставаться великой литературной державой исключительно за счет традиции, как это делает ее знаменитая футбольная сборная, никогда, при самых неблагоприятных обстоятельствах не бывающая слабой. Но, в отличие от земляков-футболистов, писатели и издатели свою традицию не сохранили. Оттого и немцы, «мужики торговые», имеют только одного приличного писателя – Патрика Зюскинда, да и тому уже за шестьдесят…

А вот самобытная русская литература, несмотря на свалившиеся на нее в последние годы невзгоды, по-прежнему существует. В немалой степени она обязана этим Литературному институту имени Горького, Высшим литературным курсам. Культивирующиеся здесь эстетические и твор-

ческие принципы не претерпели значительных изменений по сравнению с традициями, заложенными в нашей литературе Пушкиным. И что же – превратились мы от этого в литературный реликт? Ни в коем случае – как не стали реликтами принципы древнегреческого зодчества и скульптуры. Их можно только развивать, а отменить нельзя. Те, кто ругает традицию, никогда не задумывались: а в какую, собственно, сторону она развивается? В прошлое?

Традиция развивается только в одну сторону – в будущее.

А вот новаторство в отрыве от традиции, как это ни парадоксально, очень часто развивается только в прошлое. Почему? Да потому, что до возникновения реализма все так называемые нетрадиционные, «передовые» жанры в том или ином виде уже существовали в литературе. Писать прозу в «постреалистическую» эпоху так же, как писали, скажем, немецкие мистические романтики или Лоренс Стерн, – это все равно, как писать стихи в духе Тредиаковского, забыв о реформе стихосложения Ломоносова.

Писателю, независимо от выбранного им литературного направления, необходимо владеть основными принципами искусства прозы, включая реалистические, в той же степени, в какой архитекторы владеют классическими принципами древнегреческого зодчества. Иначе он попросту недоучка, халтурщик.

Литературный институт, ВЛК не могут сделать писателя гением, и писательская среда никогда сплошь из гениев не

состояла. Но эта среда более литературно компетентна, чем растворенные в нетворческой среде писатели-любители. Да, отнюдь не все выпускники «Лита» и ВЛК хорошо пишут, но, как правило, суждение о литературе имеют профессиональное. Или, во всяком случае, более профессиональное, чем мнение соседа, которому вы решились показать рукопись. А это очень важно. Это литературная почва, которую не заменят никакие «сетевые» «Проза. ру» и «Стихи. ру», где толкутся сотни тысяч графоманов. Литинститут да ВЛК, объявленные в ноябре 2012 г. нашим удивительным министерством образования и науки «неэффективными», – больше никакой другой литературной школы у нас и нет, если не считать редких форумов молодых писателей и литобъединений, крайне слабых ныне. Ну, конечно, еще есть газеты, журналы, издательства, но они ведь пользуются тем, что уже взошло на литературной почве.

Я не знаю, какая писательская судьба ждет слушателей моего семинара прозы ВЛК, но искренне верю, что они и есть те самые новые имена, появление которых столь необходимо в литературе через каждые 20–30 лет. Они не стали ждать, когда редакции соизволят заметить их дарование (хотя многие из них уже печатались в газетах, журналах, а некоторые даже имеют книги), а создали свой сборник прозы. Я целиком поддерживаю это начинание. Художник творит наедине с самим собой, но в литературу лучше входить группой, чтобы голос писателя не был одинок в нынешнем

далеко не дружелюбном к нему мире.

Непосредственным поводом для создания сборника «Точки» стала трагическая гибель в Крыму в конце августа 2012 года 28-летнего слушателя моего семинара прозы **Дмитрия Шостака**, которому осенью предстояло защищать дипломную работу. Название «Точки» – это название рассказа Дмитрия, в котором один герой сообщает другому «два последних откровения»:

Будда на самом деле
Читатель,
а мы всего лишь точки
типогра
фской
кра
ск
и
.

Горькая ирония, столь свойственная Дмитрию Шостаку… Однако, если Будда – читатель, а мы – всего лишь точки типографской краски, то Кто же *писатель*? Бог? Существует похожая теория о том, что художник – это не более чем зеркало, отражающее Божественный огонь. А отражением чего является точка? Поставим точку среди пустоты – и мы получим уже не пустоту, а окружающее точку пространство. И она будет центром этого пространства. Может быть, и Сотворение мира началось с точки? Тогда название этой кни-

ги приобретает несколько иное значение, чем в графическом стихотворении Шостака. Пусть мы всего лишь точки типографской краски, но это – точки сотворения мира. Литературного мира. Может быть, нового. Во всяком случае, хочется в это верить.

Познакомимся же с теми, кто этот новый мир населяет. Сборник открывают рассказы уже названного Дмитрия Шостака. Быть может, многое о взглядах Дмитрия на жизнь и даже о его трагической судьбе скажут слова в рассказе «Завтрак в пене прибоя»: «Я думал о том, что мечта о мире вечного лета и счастливых людях – это всего лишь миф. В погоне за ним сейчас следовало бы покупать билет на самолет. Слишком жестокий миф, из-за него люди с трудом переносят зимы и большие города, не живут, а с тоской ожидают следующего лета. Глупо было верить в этот миф, но и вернуться к прежней жизни не было возможности. Завтракая в пене прибоя, мне казалось глупым по девять часов в сутки перекладывать бумажки из одного лотка в другой, чтобы иметь возможность заказать в баре пиво подороже или съездить на более престижный курорт».

Екатерина Осорина с одинаковым успехом работает как в реалистическом, так и в фантастическом жанре, причем в обоих случаях стремится следовать лучшим образцам – философской фантастики и исповедальной прозы, что доказывает и вошедший в сборник рассказ «Пятилистник сирени». Отмечу также аналитический, образный, энергич-

ный стиль ее дипломной повести «Жизнь, рассеченная пополам». Вот, например, прозаическая трактовка Осориной гамлетовского вопроса «Быть или не быть?»: «В первые дни после смерти Гарри заманчивой мыслью казалось ей познать ускорение свободного падения. 10 этаж позволяет, а можно еще забраться на крышу 26-этажного дома – это будет около 80 метров. Она часами стояла на балконе, судорожно вцепившись в подоконник, и всматривалась в серость асфальтовой дорожки под окном. Ее манила возможность увидеть в полете секундную метаморфозу – преображение от большого прямоугольника асфальта до крошечной крупицы битума. А если повезет, то и до отдельного атома. Но кто его знает, что там, после отдельного атома? Может там ее ждет Гарри, а вдруг там нет ничего?».

Нина Кромина – городской житель, но умеет и любит писать о деревне – причем именно о нынешней, даже не погибающей, а уже почти погибшей деревне. Таков и представленный в сборнике рассказ «Скворцы». На этом материале у Кроминой порой рождаются сильные, трагические образы. Вот один, очень актуальный для нашего времени: «… на Красную горку у них все поля непаханые горели (…), переметнулся огонь на кладбище. Взметнулся он чуть не посередине, факелом поднялся, а Абдула, он теперь в сельсовете, можно сказать, один за всех, и говорит: «Это у вас Вечный огонь зажегся». А бабки, которые еще живы, запричитали и заголосили: «Знамение! Знамение!». А Нина, которая рань-

ше на их порядке жила, а потом за овраг переселилась, сказала: «Это кому Вечный огонь, кому – Знамение». Рассказы и повести Нины Кроминой исполнены веры, что незащищенное, наивное добро так же нужно людям, как и добро, умеющее себя защитить. Потому что если в мире и происходит умножение добра, то всё же не от того добра, которое с «кулаками», а от того, что способно тронуть человеческое сердце.

Мир, изображенный **Гюльнар Мыздриковой**, близок миру прозы Д. Лондона и Э. Хемингуэя, с его суровой поэтикой и героями – немногословными, внешне грубоватыми, но внутренне отзывчивыми и надежными людьми. При этом автор вовсе не идеализирует их, она просто и наглядно показывает, как такие характеры формируются. Другая тема рассказов Мыздриковой – загадочные совпадения в жизни людей, которые ощущают потребность в любви даже в пустынных и диких горах Приохотья, где осуществляют геологическую разведку. Речь идет о двух мирах, определяющих жизнь человека – прошлом и настоящем. Герой рассказа «Два залива», хирург, оперировал много лет назад на Чукотке героиню другого рассказа Мыздриковой, «Песня про зайцев». Теперь они встретились на средиземноморском курорте, пытаясь припомнить, где они уже виделись. Оба живут Москве и даже, как оказалось, на одной улице. Здесь, на курорте, на берегу залива, доктор видит другой залив, Чукотку, полярное сияние. «Он не боялся медведей, ходил на рыбалку, от-

капывал занесенный снегом вход в дом, ждал первых лучей солнца весной и первых заморозков осенью. Но делал это как-то отстраненно, не отдавая всего себя этому. Он любил книги и вместе с героями проживал чужие жизни». Теперь же ему предстоит встреча со своей, настоящей жизнью.

Проза **Алексея Контаря (Смирнова)** тоже напоминает рассказы Хемингуэя и Лондона. Вошедший в сборник рассказ о снайпере, у которого даже название хемингуэевское – «Со всеми это кончалось одинаково», продолжает тему дипломного сборника Контаря – «Морские волки». Жизнь, описанная в этих рассказах, таит в себе много опасностей и лишений, но зато полна незабываемых ощущений. В рассказе «Дело-то житейское» герой, охотясь на Фиджи за кораллами, попал в отлив и не может вернуться на берег. Ему целую ночь надо продержаться на воде, стараясь, чтобы не отнесло в океан: «Сил больше не было. Я тонул. С каждым вздохом я заглатывал немного морской воды, выплюнуть ее обратно всю не было сил. Давно стемнело, я потерял из виду своего приятеля. Часов через шесть мне стало всё равно – умру я в океане или выплыву. Я лежал в черной и непрозрачной воде и думал только об одном: как будет больно моей матери». Но нельзя сказать, что Контарь – лишь эпигон Хемингуэя или Лондона, каких в нашей литературе было, наверное, тысячи, поскольку в повествовательной манере Контаря преобладает юмор. Есть у него и своя специфическая образная система, проявляющаяся, в частности, в его морских пейзажах: «Мо-

ре было спокойно. Включив свои автопилоты, по океанской дороге ровно, как мишени в тире, шли груженные по ватерлинию океанские исполины».

Произведения **Людмилы Комаровой** в начале обучения на ВЛК были несвободны от влияния Зощенко, Хармса, молодого Булгакова. Но уже тогда они не являлись прямым подражанием классикам юмора и сатиры советского периода, скорее, их можно было определить как переходный период автора к собственной оригинальной прозе. Это ярко проявилось, в частности, в рассказе «Проездной». Героиню его, 45-летнюю женщину, доведенную до отчаяния хамством и злобой в транспорте, начинает тошнить какими-то маленькими экзотическими птицами с яркой окраской. Характерно, что окружающие ее люди нисколько не удивлены самим фактом появления изо рта у героини мертвых птиц, их больше интересует, как бы удалить женщину от окошечка кассы в метро, где она стоит. Всё это прекратилось лишь после того, как какой-то добрый человек дал несчастной женщине проездной на две поездки. «Женщина взяла из рук мужчины проездной и, загадочно улыбаясь, направилась к турникетам. Она шла, всё время оглядываясь на мужчину-благодетеля, и в какой-то момент ей даже показалось, что над его головой она видит свечение…». Комарова «подражательного периода» на этом месте бы и остановилась, но теперь она использует все «ресурсы» своего образа, разрабатывая его до конца. Рассказ заканчивается так: «… в шашлычных, рас-

положенных неподалеку от станции метро, на которой пыталась купить проездной женщина, целых две недели продавали диковинные шашлыки от непонятно откуда взявшихся в Москве амазонских перепелов».

А рассказ Комаровой «Кровожадный народ» имеет прямое отношение к работе нашего семинара. В нем в юмористической, гротескной форме описано обсуждение «семинаристами» моего задания: «дописать» незавершенный рассказ М. Ю. Лермонтова «Штосс».

Если «Кровожадный народ» Комаровой написан по мотивам моего задания, то рассказ второкурсницы ВЛК **Марии Ундрицовой** “Фальтер” и есть выполненное задание, правда, на другую тему. Кому-то, может быть, покажется странным, что подобные семинарские опыты помещаются в сборнике оригинальной прозы. Но дело в том, что задание было очень сложным: описать то, от чего сознательно уклонился Владимир Набоков в своем известном рассказе “Ultima Thule” – состояние героя и причины, превратившие его из обывателя в человека, «познавшего суть вещей». Ведь произведение Набокова в каком-то смысле и держалось на «сознательном умолчании» об истине, которая открылась его герою Фальтеру. То, как справилась с этим заданием Ундрицова, говорит, на мой взгляд, о ее хороших творческих перспективах.

Рассказы **Евгении Сафоновой –** это протестная молодежная проза в духе прозы американских битников (Д. Керу-

ака, К. Кизи и других), с преобладанием этического протеста над социальным, весьма непосредственная по методам выражения и с довольно удачным использованием метода «остранения реальности»: «Ещё минуту светило солнце и, бац – пошёл дождь. Лил как из ведра, барабанил по крышам как по вёдрам. Стоял такой грохот, точно всех зовут на обед. Прямо-таки пир на весь мир. Только есть нечего. Фрида спряталась под козырёк передвижного ларька, в котором продают куриц-гриль. Её окружали курицы, которых ели люди. Мужчины и женщины лопали птичек, а косточки бросали собакам». Добавлю к этому, что перед нами – типичная литинститутовская проза. Образы Сафоновой в большинстве случаев не являются локальным приемом и получают развитие по ходу повествования. Так, «остраненная» метафора нынешней городской жизни: «Её окружали курицы, которых ели люди», отзывается в другом эпизоде: «Лесорубы сидели и курили. Один из них достал яйцо и начал счищать скорлупу. Фрида вспомнила, что ещё недавно она видела куриц, а теперь вот яйцо. Но, конечно, это никак не связано. Просто было ею подмечено. Было ею замечено, что смерти нет». Или возьмем метафору из рассказа «Потому что Хлоя умерла»: «В тот момент, когда я сказала, что иногда самоубийство – это выход, мы подошли к стеклянным дверям метро, где было написано: «Нет входа». В похожем духе написан во всех отношениях необычный рассказ «Меня зовут Джейн…», включенный в этот сборник.

Алиса Анцелевич – писатель того же поколения, что и Евгения Сафонова, и в каком-то смысле того же направления. В ней нет сафоновского сарказма, но есть способность на малом объеме и малыми средствами создать фрагмент какой-то удивительной жизни, которая существует помимо нас и будет существовать даже после того, как мы перевернем последнюю страницу рассказа – в данном случае «Однажды у нас под Лондоном».

Елена Яблонская – серьезный, печатающийся прозаик, одинаково успешно работающая в разных жанрах – повести, новеллы, путевых очерков. Она обладает своеобразным, мягким чувством юмора, который до поры до времени несколько сковывали границы присущей ей серьезности. Но о рассказе «Семилайка» этого не скажешь: он пронизан не только злободневным литературным юмором, но и фантастическими сюжетными поворотами, несвойственными Яблонской прежде. Это ощущение обретенной творческой свободы важно не только для начинающих прозаиков, но и для таких, которые, как Яблонская, имеют уже не одну книгу и журнальную публикацию.

Дипломная повесть **Анны Чезгановой** «Опыт удушья», отрывки из которой она предложила в сборник, являет собой странный, на первый взгляд, симбиоз – семейной, бытовой драмы и философского произведения. «Я черная голубка. Paloma Negra, – так говорит себе героиня повести Тамара. – Я никогда не принесу мира. Кругом чёрные лица.

Хоровод чёрных плащей. Я не могу остановиться, это похоже на агонию. Бабочка – опаленные крылья. Держаться тени – это мой смысл. Жизнь – это всего лишь опыт удушья». Единственным средством «выйти из тени» Тамаре представляется боль: «Боль, как сказал один поэт, даёт неповторимый «опыт борьбы с удушьем». Тамара всё же находит другой способ борьбы с «удушьем» – в готовности прощать и любить. Когда-то она говорила матери: «Сейчас у всех одна общая проблема – одиночество. Вот так у меня, кроме тебя, никого нет, а найду человека, будет муж, а от мужа детки, внучки у тебя будут, и будет нас много, и будем мы одной большой семьей. А потом ведь нас будет все больше и больше, и тогда мы заполним пустоту своими голосами, вытесним одиночество на окраины жизни». Но Тамара полагала, что «вытеснить одиночество на окраины жизни» можно лишь простым прибавление рода. Оказалось, «заполнить пустоту своими голосами» можно лишь тогда, когда люди слышат друг друга.

Марина Иванова долго работала в публицистическом жанре, и это обстоятельство, естественно, не могло не сказываться на прозе, которую она писала во время обучения на ВЛК. Но теперь с уверенностью можно говорить об Ивановой именно как о прозаике. Ее веселый, озорной рассказ «Пошутила» является зримым свидетельством того, что она не напрасно «изменила» прежнему жанру.

Есть в сборнике и представитель детской литературы –

Валентина Хохлова. Ее рассказ «Лёвкина яблоня» не уступает с точки зрения психологичности литературе «взрослой». Первыми опытами в прозе поэта **Жанны Варнавской** были детские рассказы, но пишет она и «взрослые», один из которых, «Глупости», включен в сборник. Поэт **Зоя Донгак** из Тувы – врач-педиатр, много лет трудившаяся в сельской глубинке. Она не понаслышке знает о том, о чем со своеобразным тувинским колоритом рассказывает в «Родах по телефону» – отрывке из автобиографической повести, сильно напоминающем, вплоть до буквально совпадающих фраз, рассказ молодого Михаила Булгакова «Крещение поворотом».

Наш сборник не носит исключительно корпоративного характера, то есть вовсе не ограничен строгими рамками моего семинара. Русская проза всегда была тесно связана с поэзией. Поэтому здесь у нас представлены и весьма небезынтересные прозаические опыты поэтов из ВЛК и Литинститута **– Антонины Спиридоновой** и **Натальи Ивановой.**

Итак, в добрый путь, друзья! Может быть, издатели еще не знают этого, но наша литература нуждается в том, чтобы в ней с вашей помощью произошло *обновление имен*.

Дмитрий Шостак
1984–2012

Окончил Российский государственный геологоразведочный университет (специальность – геммология), с 2010 г. по 2012 г. – слушатель Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького. Автор стихов,

прозы. Публикации в сети, в интернет-журналах. Увлекался экстремальными видами спорта.

Второй

И в этот раз все началось как обычно. Александр Петрович Иваньков проснулся глубоко за полночь и никак не мог понять кто он. Ему казалось, что в нем находится два человека. Первый – тот, кто уснул накануне, у него есть взрослая дочь, жена, прожитая жизнь и небольшие проблемы со здоровьем; и второй, который сейчас лежит в его постели и думает об этом. Первый не догадывается о существовании второго, а второй знает о первом все.

Покрутившись немного, Александр Петрович встал и в темноте прошел на кухню. Личность второго проявлялась в нем, как фотография, обретая контрастность и полутени. Память из другой жизни раскрывалась теперь перед Александром Петровичем. Он вспомнил, как сидел около часа на табурете в темноте, уставившись в угол комнаты. Смотрел до тех пор, пока стена, плинтус и фиалка на подоконнике не замерли в статичную картину. Ему чудилось, будто он сидит в зрительном зале и никак не может оторвать взгляд от экрана, на котором показывают кусок кухни Иванькова, а вокруг зрители шумят и галдят, но он не может повернуть к ним голову.

В другой раз внимание второго привлекли аккуратно сложенные отбивные, которые приготовила жена. Ради игры он начал представлять, как в средние века переполненные пред-

рассудками кухарки травили своих господ, воображая себя ведьмами, добавляя странные приправы или даже подавая человечину. Тошнота подступила к горлу, и невозможно было вдохнуть. Отбивные теперь наводили страх, сковывали на себе все мысли. Их поблескивающий жир не казался теперь свиным, слишком он был нежен и бел. Какой же жуткий ритуал придумала жена, для того что ввергнуть его в безумие. Второй понимал абсурдность и нелепость этого наваждения, и что даже в темные века такого быть не могло, но ужас был слишком реален, чтобы быть неправдой.

– Ты ходишь во сне, – сказала утром жена. – Я нашла отбивные в урне.

– Странно, ничего не помню.

Иногда второй не проявлял себя целыми месяцами, а то и годами. И, появившись, удивлялся, как изменилась жизнь первого. Если в прошлый раз в памяти молодого Саши Иванькова были только мечты о своей будущей жене, то в следующее пробуждение второй обнаруживал ее спящей рядом. Кудрявые волосы на подушке, гладкая кожа и приятный запах крема, она так и не узнала, что изменила мужу.

Потом второй удивлялся, почему в комнате неестественно тихо. «Дочка не просыпается», – отвечала память Иванькова. Этот ребенок рос очень быстро, так же быстро, как менялось отражение в трюмо. Саша становился Александром Петровичем, лысоватым и всегда уставшим человеком.

Второй был отстраненным свидетелем изменений, проис-

ходящих в Иванькове. Тот перестал узнавать в жене женщину, с которой в молодости ездил летом в деревню. Это была не та, которую вез на раме велосипеда к речке. Та плела венки из полевых трав, а эта громко дышит, когда ест.

Второй стоял у окна, смотрел, как сквозь метель просвечивали оранжевые пятна фонарей, и само окно походило на «белый шум» телевизора, будто кто-то забыл выключить его после окончания всех передач. А память первого рассказывала, что он находит утешение только в своей бухгалтерской работе, где все четко выстроено и полностью подчиняется Иванькову.

Хорошо, что бухгалтерией можно заниматься и после выхода на пенсию, иначе первый совсем перестал бы чувствовать уверенность. Взрослая дочь освободила его от тягостных телефонных разговоров и приездов. Жена ушла прошлой весной, как странно. В ее-то возрасте. Если раньше первый ждал весны, чтобы побродить по раскисшей дороге в парке, где из остатков снега торчит трава позапрошлого квартала, то теперь Александру Петровичу было, в общем-то, все равно. Его жизнь заполняли только цифры.

«Как тускло, – думал второй, – а моя жизнь, короткая череда глупых ночей. Вот уж точно – «жизнь – повесть глупца», только без шума и ярости».

Заключительная фаза зимы, весь снег сдуло, остался только лед, везде лед, прозрачный, матовый, гладкий и в буграх. Лед на деревьях, на ступенях, на машинах. Как будто

весь мир превратился в пластмассовую имитацию себя. Ветер несет пенополистироловый снег над поверхностью. Все ненастоящее, как и жизнь второго, которого надо освободить.

Все знают, что лунатики иногда путают окна с дверьми, но не все знают почему.

Автобус

Автобус закрыл двери и тронулся к следующей остановке. У водителя не оказалось сдачи с крупной купюры, и я, перешагнув через турникет, направился в глубь салона. В этот ночной час пассажиров было немного: парень с девушкой в темных одеждах, оба с подведенными глазами, мужчина с рюкзаком, что-то пишущий в большой тетради, и девочка, сидящая закинув ноги на соседнее кресло. Лицо она укутала шарфом, а шапку натянула практически на глаза. Из-под шапки выбивались светлые волосы. Пройдя в середину салона, я встал за креслом, в котором сидел мужчина с тетрадью. По его резким движениям, грязному воротнику и одержимостью, с которой он царапал ручкой в тетради, было понятно, что он находился в высшей степени возбуждения, может быть, даже на грани помешательства. Я заглянул в эту тетрадь. Она была разделена на три части. В первой находились цепочки формул, во второй какие-то рисунки, а в третьей, самой большой, шло описание. Его ручка выводила мелкий, но аккуратный почерк, правда, слабо читаемый из-за плохого освещения. Я разобрал только: «…структура времени вовсе не однородна, в разных зонах она имеет разную плотность. Человек – как биологическое существо, обитает во времени только определенной для него плотности. Именно это и определяет его движение в материи. Он подобен рыбе,

что, пересекая океан, движется в подводном течении комфортной ей температуры. Но это совсем не значит, что человек не может нырнуть…» Мужчина ощутил мой взгляд, с негодованием посмотрел на меня и пересел на другое место. Автобус продолжал двигаться по сонной Москве. Скрежет ручки усилился, и тогда уже я ощутил чужой взгляд, неприродно зеленые глаза смотрели на меня из щелки между шарфом и шапкой. Почему-то я смутился и отвернулся. На секунду показалось, что все объединены каким-то тайным сговором и украдкой следят друг за другом.

– Есть! – воскликнул мужчина с тетрадью, и в тот же миг свет в салоне стал более тусклым, а шум работающего двигателя перестал слышиться совсем. Я повернул голову в сторону мужчины и удивился вязкости этого движения. Будто весь автобус заполнили каким-то застывшим желе. В то же время сквозь закрытые двери в салон вплыло странное существо, похожее на морского окуня, но с человеческими руками и ногами. Такими же медленными движениями оно приблизилось к мужчине и стало засовывать его себе в рот. От этой медлительности мне стало тошно, а мужчина был крайне удивлен, он даже выронил ручку. Когда существо поглотило его, то так же, неспеша, уплыло прочь.

Яркость света восстановилась, мотор заработал, автобус тронулся дальше.

На полу догорала упавшая ручка, распространяя по салону неприятный запах.

– Зря он про рыбу написал, – подумал я и вышел на следующей остановке, чтобы избавиться от этого надоедливого запаха.

Точки

Окно выходило на замусоренную, пыльную улицу, одну из тех, каких так много в этом городе. Подобные районы оставляют легко узнаваемый отпечаток на своих обитателях. В здешней паутине переулков следует ходить осторожно, следует опасаться за свои вещи и здоровье.

Лампочка горела в пластмассовом абажуре. Скрипучий стол был застелен прожженной клеенкой, а над старым холодильником менял картинки плоский телевизор. Снаружи было пасмурно и ветрено.

За столом сидели два повзрослевших одноклассника. Саша – худой, сгорбленный, с разоблачающими его глазами. И Костя – высокий, полноватый, короткостриженный.

– У тебя тут мало что изменилось, – сказал Саша, и его глаза показали тоску.

– Кое-что все-таки изменилось, – ответил Костя, поглядывая на новый телевизор. – А ты как, все ищешь запасной выход?

– Типа того, давай еще выпьем.

Коньяк кончался, но разговор так и не клеился.

– Так вот, про нимфеток, – начал Костя. – К соседям на лето приезжала племянница. Я ее плохо помню, но теперь она подросла и ничего себе. У нее совсем небольшая грудь, белая-белая кожа и очень тонкая шея, прямо вижу, как ру-

ки ложатся. Ты, кстати, не пробовал удушение? Очень рекомендую. Ровно до той грани, пока она не начнет подозревать, что это не игра. У них такие лица тогда. Вообще все эти штуки очень будоражат. У меня есть целая система. Самое главное – все делать поэтапно. От простого к сложному, от невинных забав к самой жести. Постепенно у них стирается граница между нормой и патологией, и можно эксплуатировать по полной.

Пока Костя говорил, глаза Саши выдавали в нем последовательно раздражение, страдание, стыд и снова раздражение.

– Чего ты краснеешь, расскажешь лучше что-нибудь новое про свои осознанные сны, куда ты там еще проник?

– Ты иронизируешь, а я много думал и понял кое-что.

Костя усмехнулся:

– Я вот замутил с Гариком новый проект. У него сейчас два СТО для «бомжей», а мы хотим лечь под дилера. Под их вывеской открываем салон и официальный сервис, все красиво, девочки, блузочки. А ковыряются работяги Гарика. Я – финансовым директором. Плюс еще пару полусерых схем. Там же и подержанные тачки толкать будем. Из-за бугра битые сюда – чик! У Гарика их трали-вали-пассатижи, и ценник, как у «слегка б/у». Вот это, блядь, нормальная работа, а не твои астралы!

– Ты припомнил «астралы», да, этот опыт закончился не вполне удачно. Но он не был лишним, он тоже был необходим, как этап постижения, который в итоге привел меня к

нынешнему пониманию.

Костя заржал.

– Твой поиск всегда приведет тебя в тупик, потому что того, что ты ищешь, – нет!

– Хорошая формулировка, если бы не твой контекст. С прошлой встречи прошел год, в течение которого я решил, что зря так категорично отрицаю некоторые твои техники. Гипноз, например, очень может помочь. Приблизить тебя к первоисточнику, если ты позволишь, конечно.

– Валяй, обещаю, что не буду тебя поправлять.

– Итак, смотри внимательно на стакан и просто слушай меня.

Каждый из нас замечал, что мы редко генерируем собственные мысли, чаще всего мы жонглируем чужими мнениями и понятиями. А если взять концепцию «мира сотворенного», то и наша физическая жизнь есть продукт чужой мысли, мысли Творца.

– Не ново, дальше.

– Бог-создатель, после завершения своего творения самоустранился. А мы продолжаем жить. Почему? Потому что другая сущность наделяет нас жизнью. Назовем ее Буддой. Слышал выражение «мир существует только в сознании Будды». Именно сознание Будды вселяет в созданный мир жизнь.

Вот хрустальный стакан, принято считать, что он изготовлен на фабрике безымянным рабочим, но на самом деле ста-

кан только что возник в голове Будды. Смотри внимательно на игру света в хрустале, дотронься и ощути маленький скол, здесь, сбоку. Все это существует только одно мгновенье, и в следующее, когда Будда перестанет о нем думать, стакан исчезнет.

Постарайся сейчас представить все, что ты видел, знаешь о мире и о себе самом, все, что ты называешь «я» и «не-я»; представь все это чем-то одним, очень простым и понятным.

Костя, ты очень близко. Чувствуешь, изменилось?

И два последних откровения для тебя.

Будда на самом деле
Читатель,
а мы всего лишь точки
типогра
фской
кра
ск
и
.

Екатерина Осорина

Родилась в г. Сургуте Тюменской области. Работает в сфере информационных технологий. Выпускница ВЛК при Литературном институте им. А. М. Горького 2011 г., семинар прозы А. В. Воронцова. Автор рассказов и повестей. Публикации в составе сборника «Путь мастерства», в журнале «Смена», в сетевых изданиях.

Пятилистник сирени

1

Я стала программистом из-за Арчи. Только так я могла спасти его. В последнее время он редко выходит на связь. Его приходится вызванивать, выискивать в сети.

Коммуникатор пискнул, я рванулась к экрану в надежде увидеть Арчи, но это была мама:

– Привет, Кэсси!

Теперь в моде имена, созвучные с названиями галактик и звездных систем. Меня назвали Кассиопея. Моего брата – Арчибальд, в честь загадочной, слабо изученной системы, в которую еще не ступал ни один человеческий звездолет, и известна она была лишь по изображениям с телескопов.

– Привет, мам! Прекрасно выглядишь! Ты сделала сегодня свой инфоснимок?

– Да, милая. С утра, как обычно. А ты свой?

– Да, конечно.

Мать, с лучистыми морщинками вокруг глаз и аккуратно уложенными завитками серебристых волос. И дочь в маленьких, почти невесомых очках с круглыми линзами «минус три», наспех перехваченные в хвостик пряди выбиваются тут и там «петухами». Они улыбались и смотрели друг

на друга. Точнее, смотрели в экран, каждый в своей точке вселенной. Ученые говорят, девяносто процентов информации человек получает через глаза. В этом смысле общение по коммуникатору было на девяносто процентов полноценным.

Сегодня каждая из них стала на день старше, и сканер зафиксировал срез личностной активности – события за прошедший день, колебания психики, мысли, все новые, едва уловимые изменения внешности, жесты, движения глаз, уголков губ. Это резервная копия личности, на непредвиденный случай.

Перед мамой на столе дымилась кружка с чаем. На кружке фотография: я и Арчи, щека к щеке, у обоих рот до ушей. Он – уже худой, я – еще по-юношески пухленькая. Я помню этот снимок. Арчи делал его с руки, направив объектив на нас, поэтому лица вышли засвеченными, носы – крупноватыми, но в целом получилась смешная, радостная фотка. «Улыбайся шире! – командовал Арчи. – Прямо, чтоб скулы сводило!»

– Как дела на Виге? – мать сделала глоток чая, и ее интонация изменилась. Голос чуть дрогнул, обозначилась морщинка между бровей.

– Все хорошо, – я бодро улыбнулась и затараторила о мелочах, стремясь увести ее в сторону. – Погода отличная, воздух свежий, не то, что на Земле. Жаль, зона засекречена, и ты не можешь сюда приехать.

Я стараюсь чаще улыбаться. И шире, как командовал Ар-

чи. Психологи говорят, от этого повышается настроение. Надеюсь и маму заразить своей улыбкой, но она все грустнее.

– Жаль. А у меня чай с малиной. Вкусны-ы-ый! – протянула она и умоляюще сложила руки. – Кэсси, ты уже пять лет не была дома. Приезжай! Скоро у Арчи день рождения.

Я заныла:

– Мам, ну что ты опять… Ты же знаешь, у меня работа… Отметим виртуально, как обычно. Я сделаю «комнату», все будет как в жизни. Хочешь, как на нашей старой квартире? Или нет, на даче! Ты помнишь: старый вяз, терраса с облезлой балюстрадой, кривые ступеньки…

– …с резиновыми полосками, прибитыми, чтобы не поскользнуться, и кусты сирени вокруг, – подхватила мать. – Шикарная у нас была сирень… И все же… может, ты приедешь? Я так хочу обнять тебя.

«Какая же она живая!» – думала я, глядя на мать. Морщинки, добрые морщинки вокруг глаз росли с каждым годом и делали ее лицо все нежнее, живее, красивее. Ее движения, мимика – такие привычные и все же каждый раз неуловимо иные. Наклон головы, когда она прячет слезы; улыбка – один уголок рта чуть выше другого; изгиб кисти, когда она держит сигарету.

Родная наша мама.

Чертовы девяносто процентов! Ведь это просто фотокарточка! Как же через нее можно передавать любовь и нежность? Но я не могу! Не могу приехать!

– Может… в следующий раз, – пробормотала я.

2

– Кэсси! – он возникал каждый раз, словно из небытия. «К» почти не было слышно, а «И» уже громко врывалось прямо в ухо.

– Фу ты, напугал, – фыркнула я и сразу набросилась. – Почему я вызваниваю тебя сутками? Тебе что, сложно выйти на связь, поболтать с родной сестрой?

Ему нравилось появляться с фокусами. Раньше он приходил в виде птицы Феникс или Барта Симпсона. Но его чувство юмора давно зачерствело. Теперь Арчи оборачивался то Терминатором, то огнедышащим вулканом, пожирающим жизнь вокруг. Сегодня он явился этаким ядерным джином – ядерный взрыв, в грибе которого угадываются контуры Арчиного лица.

– Хех, звонила? – с равнодушной ухмылкой бросил он, преображаясь в человека. – Что хотела?

– Побыть с тобой. Поболтать, пообщаться.

За его спиной на экране коммуникатора колыхалось синее море: он давно уже облюбовал обои с видами подводных глубин – справа кит, слева коралловый риф. На фоне моря его худощавое лицо казалось бледным, в темные волосы будто закрадывалась седина.

– Понятно, – он закурил. – Не надоело тебе?

– Опять в плохом настроении…

– У меня нет настроения, – раздраженно перебил он.

– А вот это что тогда за рожа недовольная? – я ткнула пальцем в монитор. – Дай-ка я у тебя в носу поковыряюсь, – я начала крутить пальцем дырку в мониторе и невольно захихикала, – что-то из него торчит. Ах, да это же огромный кусок плохого настроения!

Арчи тоже не выдержал, рассмеялся. Он часто пользовался таким приемчиком, когда я капризничала в детстве.

– Помнишь, как ты за мной на пустырь бегала?

Я помню. На пустыре у Арчи были сходки с другими мальчишками. Они дрались на деревянных мечах и называли друг друга древнегреческими именами. Мама не разрешала ему бегать на пустырь – слишком далеко от дома. А я обижалась, что брат не брал меня с собой, и кралась за ним тайком. Потом маме жаловалась, ябеда.

– Один раз ты перелезала через забор и свалилась с него. Порвала платье и коленку ободрала, – голос его потеплел. – Коленку даже не заметила, а из-за платья плакала. У тебя и правда тогда из носа ручьи плохого настроения текли.

– Коленка только потом заболела, – улыбнулась я. – А помнишь, как я тебя крапивой отхлестала? Ты из моей клумбы цветы повыдирал для девчонки какой-то.

– Хех, не меня…

Это «хех» – глухое и нервное, словно резкий выдох или спазм от недостатка воздуха, не смешок вовсе. Раньше Арчи

любил похохотать. Куда все это делось?

Он помолчал немного, покрутил в руках четки, которые я ему когда-то подарила. Собрался с мыслями. А потом начал тихо, сквозь зубы, зловеще растягивая слова, говорить:

– Не меня ты крапивой отхлестала. Меня нет. Есть только чертов инфоснимок и пара дорогих микросхем. Я для тебя всего лишь фотокарточка. Тебе хочется пообщаться, вспомнить былое. А мне хочется жить в реальном мире.

– Послушай, ученые работают над этим. Через несколько лет разработают искусственные тела…

– Искусственные! – взорвался он. – Я не хочу больше слышать это слово! У меня уже есть протезы, которыми я могу здороваться с людьми и даже чувствовать теплоту их потных ладошек. У меня есть искусственные рецепторы, которыми я могу ощущать вкус картошки! Но, ты знаешь, эти ладошки – это полная лажа. А твоя виртуальная картошка – ну, как бы тебе это объяснить, – это намного-намного-намного хуже, чем вонючий «Анкл Бенс» из порошка!

Арчи уже орал во весь голос, вскочив со стула и потрясая руками в воздухе. С последней фразой четки полетели в экран и с треском ударились об него.

Кит беззвучно помахивал хвостом, яркие рыбки мягко покачивались над кораллами. Я тоже могла бы разораться подстать ему, но так с ним не сладишь. Спокойствие и улыбка на лице.

– Я надеюсь, ты не в лицо мне попал, – невозмутимо за-

метила я. – Так и очки разбить можно.

Он приблизил лицо к экрану, – его большие черные глаза горели огнем:

– Вот, Кэсси! – с придыханием сказал он, выставив указательный палец вверх. – Вот! Ты зришь прямо в корень. В реальности я бы такого не сделал. А здесь я медленно схожу с ума. Ведь я – просто компьютерная игрушка! Гребаная тамагочи вам на потеху! Вам хорошо, а обо мне вы подумали?

Он хотел сказать что-то еще, но я его перебила:

– Мы думаем о тебе, Арчи! Я и мама! Мы думаем о тебе каждый день! – я была спокойна, но голос предал меня и зазвенел от слез.

3

Арчи умер много лет назад. Он только закончил филологический факультет, поступил в аспирантуру, и вдруг – саркома мозга. Сначала это казалось мелочью жизни: доктора говорили, вероятность излечения высока – девяносто процентов. Арчи со смехом рассказывал мне о непутевом Аиде, повелителе царства мертвых:

– Прикинь, Кэсси. Геракл спер у него собаку, Орфей запудрил ему мозг своими песнями, а Сизиф просто отпросился на минуточку, якобы на разборки с женой. И чего мне бояться такого придуря?

Я согласно кивала и верила, что Аид нас не возьмет. Я то-

гда была еще школьницей, увлекалась ботаникой, готовилась идти на биологический. Приносила ему в больницу цветы и листья, которым потом предстояло попасть в мой гербарий. Он загадывал, что принести в следующий раз, – для меня это была занимательная игра.

На третьем году его болезни, когда мне пришло время поступать, я решила пойти в Кибернетический. Арчи уже не был таким веселым. Я смотрела, как иссохшими пальцами он перелистывает страницы моего гербария, и оставшиеся десять процентов казались мне чертовски крупной цифрой. Нужно было застраховать от нее свою семью. В Кибернетическом институте базировался проект по цифровому бессмертию, и я захотела во что бы то ни стало попасть в него. Я закончила институт экстерном, меня взяли в проект, и я добилась, чтобы Арчи вошел в экспериментальную группу пациентов.

– Кэсси, – Арчи взял себя в руки, виновато наморщил лоб, – пойми, мне хочется курить настоящие сигареты, чувствовать настоящий ветер на настоящей коже… А искусственное – я не хочу. Не жизнь это, – он безвольно опустил голову и замолчал.

Весной N-го года, когда он лежал в больнице на очередном сеансе химии, я привозила ему с дачи цветущие ветки сирени. Мама говорила, если ломать ветки, она будет цвести пышнее – вот какая у сирени воля к жизни. Ее сладкий аромат навевал мечты, заставлял нас строить планы на будущее.

Арчи хотелось научиться нырять с аквалангом и попасть в Древнюю Грецию. Я мечтала отправиться в звездную систему Арчибальд, чтоб изучать ее флору. На Древнюю Грецию я тоже была согласна. И мы радовались, находя в соцветиях сирени пятилистники. Ведь это к счастью, к тому, что мечты сбываются…

Теперь сирень не такая, как раньше. Сердцевидные листья идеальной формы, без единой червоточинки, соцветия чисто лиловые, строго конусообразной формы. Постарались селекционеры и ради аллергиков – теперь сирень не пахнет. И ни одного пятилистника не найдешь.

– Дурак ты! – разозлилась я. – Ты осознаешь себя, значит, ты есть! И тебе не нужно заботиться о еде или крове! Ты не заболеешь! Ты не должен вставать в семь утра и, с трудом продирая глаза, идти на работу, – ты помнишь, как тебя бесила такая перспектива? Ты – чистая мысль! Летаешь, где хочешь! Разве это не прекрасно? Я создам тебе любой виртуальный мир, – катайся на машинах, путешествуй, узнавай новое! Декарт бы тебе позавидовал.

– Хех, ничего действительно нового я узнать не могу. Ведь я могу попасть лишь в ту виртуальную копию реальности, которая уже известна человеку, настоящему человеку. И, кстати, о Декарте, – Арчи снова усмехнулся и напустил на себя глубокомысленный вид. – Разовью его мысль. Я мыслю, значит, я существую. Но существую, не значит живу. Вывод: иди в жопу, Декарт!

Мне больно, Арчи. Говорят, я неплохой ученый, у меня много научных статей, и многие открытия в области цифрового бессмертия на моем счету. На собственные деньги я нанимала программистов, и мы работали по ночам, чтобы мои идеи претворялись в жизнь быстрее. Знаешь, мне бы хотелось вывести сорт сирени, где все цветки были бы пятилистники. Но пришлось стать программистом. Все ради тебя! А ты не оценил, что я для тебя сделала.

Ты просишь подумать о тебе, а о нас ты подумал? Захочет ли мама жить без тебя? Смогу ли я жить без тебя?

У меня в запасе много аргументов, я каждый день прокручиваю их в голове.

– Мама хоронила мое тело. А ты… – он ласково улыбнулся и провел рукой по экрану, словно коснулся моего лица, – ты слишком впечатлительная. Переживешь!

В палате Арчи надолго поселилась хитрая аппаратура, он часами лежал, опутанный проводами и электродами. Я говорила ему, что мы тестируем новую технологию лечения. Если бы он узнал тогда, что происходит на самом деле, он бы убил меня. Так и вижу, как он говорит: спасибо, сестренка, что заранее меня похоронила. Но я никогда не хоронила его. Просто однажды я представила, что он умер, и чуть не умерла сама. Падая в обморок, головой зацепила хрустальную вазу и угол стола.

Голову зашили, а страх потерять его остался.

И вообще, я не врала ему. Оцифровка личности – дей-

ствительно лекарство от всех болезней. За ту весну мы успели описать характер Арчи, модель поведенческих реакций, снять копию с его памяти, сделать детальный визуальный образ. Я верила, что смогу создать для него вторую жизнь, хотя и без тела. Со временем мы разработали для цифровых бессмертных – этернитов – тактильные ощущения, виртуальные города, в которых они могли жить. С помощью специальных виртуализационных капсул обычные люди могли оказываться в искусственном пространстве и общаться с этернитами.

Наш проект взорвал мир. Газеты восторженно трубили о победе над смертью, люди стояли в очереди за инфоснимками, капсулы были нарасхват. Правда, пока это могли себе позволить только богачи и малая доля онкобольных, поступающих к нам по государственной программе.

Я тоже поначалу увлеклась капсулами, зачастила в гости к брату, а потом перестала, – мне было там немного не по себе. Я боялась, что однажды перепутаю виртуальный мир с реальным. Нет, конечно, Арчи был прав, ощущения в виртуальном мире менее яркие, чем в жизни. Но и в жизни иногда, как посмотришь вокруг, – блеклое все, безжизненное. Люди в немаркой одежде, вжав головы в плечи, спешат на работу, проводят там в механических действиях целый день, вечером торопливо поглощают безвкусные полуфабрикаты, потом пару часов бессмысленных телепередач, не оставляющих ни малейшей зацепки в памяти, и спать, – для нового бесцветного трудового дня. А виртуальный мир можно рас-

красить по своему вкусу и заниматься там, чем хочется. Так что неизвестно еще, где лучше.

Другие этерниты никогда не жаловались на недостаток ощущений. Понятно, что человеку, которому подарена вторая жизнь, не свойственно придираться. Но Арчи не был обычным человеком. Он слишком хорошо помнил себя живого.

На моем столе в цветочном горшке рдели алые орхидеи – редкий вид. Интересно, растет он на Арчибальде? Лучше бы это была сирень, но для нее сейчас не сезон. Я устала с ним спорить. Сняла очки, протерла идеально чистые стекла:

– Ты не ценишь то, что у тебя есть. Просто подумай об альтернативе…

Он отозвался голосом, еще более усталым, чем у меня:

– Я думаю о ней каждый день.

4

Я помню тот день, когда тело Арчи умерло, и я впервые вступила в контакт с его инфоснимком. Мама стояла позади меня и плакала, а я сбивчиво объясняла Арчи, что теперь он цифровой бессмертный, и рисовала его дальнейшие перспективы. Мои щеки горели от волнения, руки дрожали. Он, бледный как полотно, недоверчиво смотрел на нас с экрана коммуникатора и слушал. Когда я закончила, он лишь улыбнулся уголком рта и сказал:

– Прикольно!

Поначалу Арчибальду нравилась его новая сущность. У него захватило дух от открывшихся перед ним просторов. Человек, которому не нужно ни есть, ни спать, который не стареет! Каких интеллектуальных высот он мог достичь! Он мог заниматься творчеством, наукой, бизнесом, и все это без ограничений во времени. Он был на вершине пирамиды Маслоу. А то, чего он не мог, казалось просто физиологическими потребностями. Рудиментом, от которого организму, перешедшему на следующую ступень эволюции, давно следовало избавиться.

Наш проект получил безоговорочную поддержку правительства. Все необходимые законы для уравнивания прав этернитов с обычными людьми были приняты в считанные месяцы.

У Арчи был паспорт, карта социального страхования и вполне реальный банковский счет, на который работодатель мог перечислять зарплату.

Арчи быстро освоился со своим новым статусом. Через программы-адаптеры он мог подключаться к электронным библиотекам, общаться с людьми, писать курсовые работы, сдавать экзамены, управлять своими деньгами в банке – в общем, вести вполне социальную жизнь.

Я была в эйфории от того, что у меня все получилось.

Целыми днями мы с Арчи ныряли в виртуальные морские глубины и путешествовали по Древней Греции, над которой

я кропотливо работала во время его болезни. Мне казалось, что и Арчи счастлив. Он улыбался и хохотал, как прежде. Бился на мечах с самим Гектором и воочию видел Трою.

Мама долго не могла привыкнуть. Ей все казалось, что вместо сына ей подсовывают суррогат. И когда она в виртуальной комнате обнимала Арчи, гладила его по щеке, ее не покидало ощущение какого-то дурного сна, полусумасшествия. Она все мучила его расспросами о нашем прошлом:

– Ты помнишь, что ты сказал после первого дня школы мне на ушко?

– Ты помнишь, какой велосипед мы тебе на семь лет подарили?

Это превратилось в какую-то болезненную, захватывающую, непрекращающуюся викторину, в которую включилась и я. «Ты помнишь?..» – спрашивали мы то и дело, словно проверяли друг друга на настоящесть.

За полгода Арчи проглотил программу трехлетней аспирантуры и начал преподавать древнегреческую литературу. Он появлялся перед студентами на большом мониторе с поворотным механизмом, которым сам управлял. Студентам это было не в новинку, – телемосты и видеоконференции существовали еще в двадцатом веке. Многие даже и не знали, что Арчи – этернит. Деньги он тратил на нас с мамой или вкладывал в мои изыскания. Вслед за мной увлекся кибернетикой, потом принялся за философию, потом бог знает, за что еще…

Однажды мы с Арчи прогуливались по нашему дачному поселку, точнее, его виртуальной копии. Все было, как в жизни: белый гравий мягко хрустел под ногами, с обочины к дорожке тянул настырные лапки клевер, ветер доносил едва заметный аромат цветущей сирени. Только георгины на клумбах цвели чересчур пышно. Арчи в тот день больше молчал. Небритый, в потертом твидовом пиджаке, на голове дурацкая вязаная шапочка, – прямо сумасшедший ученый на пороге открытия. При каждом шаге Арчи зарывался носком ботинка в гравий и выбрасывал вперед маленький залп камешков.

– Ну, хватит! – прикрикнула я на него, раздраженная шаркающим звуком.

Арчи снял с ноги ботинок и внимательно рассмотрел его.

– Хех, царапины от гравия – почти как настоящие, – ухмыльнулся он. – И как это вам удается все так детально проработать? Боги вы, что ли…

В последней фразе звучала издевка. Он потряс у меня перед носом ботинком и добавил:

– Представь на минуточку, что какую-то частичку меня вы все-таки упустили… И моя, скажем, «душа» сейчас уже бродит по царству Аида, а я и не знаю… Ты понимаешь, какого удовольствия ты меня лишила? – он состроил огорченную гримасу и закинул ботинок далеко в кусты.

С этого момента Арчи словно подменили. Внезапно ему захотелось власти, и за пару лет он вытеснил из кресла старо-

го ректора. Потом занялся политикой и даже начал предвыборную кампанию в одном округе, но ему это быстро наскучило. Он подсел на компьютерные игры, стал спускать деньги на казино и виртуальные наркотики, которые подпольно разработали какие-то негодяи.

В университете свои часы по Древней Греции он сбагрил другому преподавателю, а сам начал читать собственный курс лекций «Философия смерти». Я была на одной из них, – с бледным лицом и бегающими глазами Арчи скороговоркой произносил отрывистые фразы, потом надолго замолкал и взрывался речью снова.

Руки его то энергично взвивались в воздухе, то повисали плетьми. В конце, с трудом выговаривая слова, он простонал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.